

«счастьем» четы Кити-Левин с его точки зрения оправдывает следующую «мораль»: «Не просите звезд с неба, если не хотите потерять покой и стать несчастливymi. Довольствуйтесь банальной прозой жизни, если хотите спать спокойно несколько десятков лет, пока не сложите руки на груди»¹. Ну, а если кто-нибудь не захочет довольствоваться этим? Что с ним случится? Ответ Ибрэильяну находит как будто у Тургенева: «Ни один писатель не ценил так чувство любви и никто не показывал так настойчиво, что любовь всегда ведет к несчастью. У Тургенева влюбленных всегда разъединяет фатальность судьбы, социальные препятствия и т. д. И наконец, когда влюбленные встречаются, рок, который их преследует, вырывает из объятий одного из них»².

Как видим, Ибрэильяну очень субъективен в своей интерпретации способа описания любви и счастья в любви русскими писателями. Это не должно нас удивлять. Можно предположить, что восхищаясь мастерством «отображения» жизни у Тургенева, Достоевского, Толстого, Ибрэильяну ищет у них поддержки и для собственных взглядов, так четко высказанных в произведении, которое, если не представляет собой то лучшее, что он написал, то является, по крайней мере, чрезвычайно для него характерным — роман *Адела*.

Но, кажется, это единственный «случай» подобного рода. В остальном отзывы Ибрэильяну о русских писателях прекрасно укладываются в его критическую систему и его «метод». Будучи увлечен, в первую очередь, проблемами развития румынской литературы, естественно, без особых усилий Ибрэильяну соотносит свое наблюдение с отечественным литературным движением. И может быть поэтому его статьи полны тонких замечаний, настолько верно определяющих русских писателей, что иногда кажется, что они сделаны специалистом. И в этом случае напрашивается сравнение с Геря. Мнение Геря о произведениях русских писателей, несомненно новое и свежее для румынского читателя, было не столь впечатляющим для русского читателя. Напротив, мнение Ибрэильяну без сомнения было бы воспринято русским читателем и как новое, и как свежее.

Рассмотрим, например, коротенькую рецензию на *Демона* Лермонтова³. Ибрэильяну начинает ее с перечисления возможных параллелей — с *Манфредом* Байрона, *Элоа* Альфреда де Виньи, затем с целым рядом румынских произведений: «здесь *Лючафэр* или *Ангел и демон* Эминеску, там *Свадьба Замфиры* или *Смерть Фульджера* Кошбука... Может быть даже и конец *Бедного Диониса* и, через него, *Счастье* Сулли Прюдома...» Но подобного рода сопоставления уже делались и будут делаться и впредь. Более интересным является то, что Ибрэильяну, исходя из сопоставления с *Лючафэром*, считает, что «нас» интересует «символика» поэмы, которую критик определяет — что делает и сам Эминеску в своей поэме *Лючафэр* — как нечто, допускающее аналогию между идеальной романтической ситуацией и определенной вполне земной реальностью. Как я уже писал в другой очерке⁴, русские специалисты

¹ Там же, стр. 239.

² Там же, стр. 228.

³ M. Lermontov, *Demonul*, пер. Иона И. Рэдулеску, Изд-во «Viața Românească» Яссы, 1906, в «Viața Românească», 1907, стр. 330—332.

⁴ *Lermontov în lumina contemporaneității* в «Romanoslavica», XII, 1965, стр. 145—178.